

Научная статья

УДК 159.9.072.43

DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-2-48-62

**Характеристики психологической сепарации
с родителями, субъективного переживания одиночества
и самоотношения у подростков со склонностью
к самоповреждающему поведению**

**Анастасия Константиновна Жданова¹
Оксана Владимировна Киселёва²**

^{1,2}Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹a.zhdanova3@alumni.nsu.ru

²Kiseleva_OV@inbox.ru

Аннотация

Целью исследования являлся анализ психологических характеристик сепарации с родителями, субъективного переживания одиночества и самоотношения у подростков с самоповреждающим поведением. Выборку составили 108 подростков города Новосибирска в возрасте от 15 до 18 лет с наличием и отсутствием самоповреждений. Инструментами для сбора материала послужили: авторская анкета; методика «Шкала причин самоповреждающего поведения» Н. А. Польской; опросник PSI (Psychological Separation Inventory) в адаптации В. П. Дзукаевой и Т. Ю. Садовниковой; шкала субъективного ощущения одиночества Д. Рассела (UCLA, версия 3) в адаптации И. Н. Ишмухаметова; методика «Личностный дифференциал», адаптированная в НИИ им. В. М. Бехтерева. В результате было получено, что у подростков с самоповреждающим поведением достоверно ниже показатели конфликтной сепарации с отцом и матерью и выше показатели эмоциональной сепарации с отцом. В самоотношении этих подростков присутствует ощущение своей малоценности, неприятие себя, зависимость от внешних оценок, трудности с саморегуляцией и самоконтролем. Также подростки с самоповреждениями переживают чувство одиночества как состояние дискомфорта на фоне ощущения своей малоценности и непонятости окружающими.

Ключевые слова

подростки, самоповреждающее поведение, психологическая сепарация с родителями, субъективное переживание одиночества, самоотношение

© Жданова А. К., Киселёва О. В., 2022

Для цитирования

Жданова А. К., Киселёва О. В. Характеристики психологической сепарации с родителями, субъективного переживания одиночества и самоотношения у подростков со склонностью к самоповреждающему поведению // *Reflexio*. 2022. Т. 15, № 2. С. 48–62. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-2-48-62

Characteristics of Psychological Separation from Parents, Subjective Experience of Loneliness and Self-Attitude in Adolescents with a Tendency to Self-Injurious Behavior

Anastasia K. Zhdanova¹, Oksana V. Kiseleva²

^{1,2}Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹a.zhdanova3@alumni.nsu.ru

²Kiseleva_OV@inbox.ru

Abstract

The aim of the study was to analyze the psychological characteristics of separation from parents, the subjective experience of loneliness and self-attitude in adolescents with self-damaging behavior. The sample consisted of 108 teenagers from the city of Novosibirsk aged 15 to 18 years with and without self-harm. The tools for collecting material were: the author's questionnaire; methodology "Scale of causes of self-damaging behavior" N.A. Polish; PSI (Psychological Separation Inventory) methodology adapted by V.P. Dzukaeva and T.Yu. Sadovnikova; D. Russell's scale of subjective feelings of loneliness (UCLA, version 3) adapted by I. N. Ishmukhametov; methodology "Personal differential", adapted at the Research Institute. V.M. Bekhterev. As a result, it was found that adolescents with self-damaging behavior had significantly lower indicators of conflict separation with their father and mother and higher indicators of emotional separation with their father. In the self-attitude of these adolescents, there is a feeling of their low value, self-rejection, dependence on external assessments, difficulties with self-regulation and self-control. Also, adolescents with self-harm experience a feeling of loneliness as a state of discomfort against the background of feeling their low value and misunderstanding by others.

Keywords

adolescents, self-damaging behavior, psychological separation from parents, subjective experience of loneliness, self-attitude

For citation

Zhdanova A. K., Kiseleva O. V. Characteristics of Psychological Separation from Parents, Subjective Experience of Loneliness and Self-Attitude in Adolescents with a Tendency to Self-Injurious Behavior. *Reflexio*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 48–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-2-48-62

На сегодняшний день в условиях социально-экономических и политических трансформаций и изменений, происходящих на уровне социальных институтов (семьи, образовательных учреждений), возрастают требования

к способности взрослеющего человека адаптироваться в социуме, делать самостоятельный выбор в условиях неопределенности, ставить жизненные цели и т. д. Обретение вышеперечисленных качеств предполагает успешное развитие на каждом этапе онтогенеза. В подростковом возрасте важно справиться с задачами сепарации-индивидуации, выстраивания отношений с социумом, обретения идентичности, подготовки к вступлению во взрослую жизнь [Крайг, 2000]. Способность молодого взрослого дифференцироваться от своей родительской семьи в перспективе ведет к развитию автономии в отношениях с будущими членами семьи и друзьями [Браун, Кристенсен, 2001].

В настоящее время мы можем наблюдать общие изменения в протекании психологической сепарации с родителями у подростков. В своих работах Ф. Дольто отмечает формирующуюся пассивность подростков, нежелание отрываться от родителей из-за отсутствия на то стимулов и противостояния подростка родителям [Дольто, 2018]. В условиях избытка опеки подросток может быть лишен ответственности за что-либо в семье, страдать от отсутствия желаний, идеалов, не стремиться к самостоятельности и поиску новых форм деятельности.

Сохраняется и другая тенденция, когда подростки оказываются в двух разнонаправленных течениях: с одной стороны, за счет удлинения периода детства им требуется надежная поддержка со стороны семьи, современные молодые люди до довольно зрелого возраста продолжают находиться под опекой родителей. С другой стороны, подростками движет желание самоутверждения, возможность ощутить значимость в мире, самостоятельность. Поэтому существует некоторая амбивалентность в их поведении – желание находиться рядом с семьей соседствует с желанием отдалиться от нее [Арестова, Махмудова, 2018; Поскребышева, Бабкина, 2020].

В процессе самореализации современные подростки сталкиваются со сложностью выбора путей, способов и образцов поведения для достижения поставленных целей. Это связано с тем, что преемственность в выборе этих путей на данный момент зачастую отсутствует, и подростки сталкиваются с необходимостью поиска новых способов достижений, не всегда обладая нужными и доступными для этого средствами и волевыми качествами, что заставляет их обращаться за помощью ко взрослым. И если подросток продолжает оставаться в плоскости вертикальных отношений, получая поддержку и опеку от родителей и взрослых, сфера выстраивания горизонтальных отношений со сверстниками остается менее развитой. Неспособность сепарироваться от родителей на фоне ограничения контактов со сверстниками может сопровождаться депрессивными тенденциями как следствием неудовлетворения важных для данного возраста потребностей [Браун, Кристенсен, 2001]. В семье как системе также могут быть нарушены некоторые функции, к примеру, нарушение эмоциональной функции, предполагающей эмоциональное принятие и поддержку членов семьи, что в итоге может быть связано с возникновением различных девиаций у подростков, в том числе и аутодеструктивно-

го и самоповреждающего поведения [Польская, 2014; Реан, 2020; Снегирева, Воликова, 2020].

В данной работе мы сосредоточили внимание на исследовании подростков с самоповреждающим поведением. Самоповреждающее поведение является формой девиантного поведения, при которой личность наносит ущерб своему физическому или психологическому благополучию посредством проявления в отношении себя агрессивных действий [Григорьева, 2020]. Несуицидальное самоповреждающее поведение (НССП) определяется как намеренное и целенаправленное нанесение вреда собственному телу без суицидальных идей и действий, чаще всего в виде порезов, ударов по телу, расчесывания кожи, прижигания раскаленными предметами [Польская, 2017].

Самоповреждающее поведение представляет собой результат действия ряда факторов. Среди микросоциальных факторов риска самоповреждающего поведения можно назвать биологические и индивидуально-психологические характеристики, дисгармоничность в семейных отношениях, более выраженное переживание одиночества; к макросоциальным факторам можно отнести социальный контекст развития, СМИ и молодежную культуру [Банников, Федунина, Павлова, Вихристюк, Летова, Баженова, 2016; Azarova et al., 2021]. Для объяснения моделей самоповреждающего поведения чаще всего прибегают к синтезу вышеперечисленных факторов, объединяя биологические механизмы возникновения склонности к аутоагрессии с личностными особенностями и характером межличностных отношений [Польская, 2014; Gratz, 2007; Nock, 2008; Hilt, Nock, Lloyd-Richardson, Prinstein, 2008].

По российским данным, от 10 % до 14 % старших школьников в клинической выборке наносили себе самоповреждения хотя бы один раз в жизни, а 3 % делали это регулярно [Польская, 2017]. В связи с этим представляется важным изучение причин возникновения самоповреждающего поведения, а также определение мишеней для психопрофилактики и психокоррекционной работы с группой подростков с данной формой отклоняющегося поведения.

При изучении механизмов формирования самоповреждающего поведения у подростков мы сделали акцент на межличностных отношениях, опираясь на теорию отношений В. Н. Мясищева. Личность, по мнению В. Н. Мясищева, исходит из системы отношений человека к окружающей действительности. «Отношения – сила, потенциал, определяющий степени интереса, степень выраженности эмоций, степень напряжения желания или потребности. Отношения поэтому являются движущей силой личности» [Мясищев, 1995]. В его концепции личность является общественно обусловленной, она является «продуктом общественной практики», что создает необходимость изучения личности в контексте социальных условий ее развития. Таким образом, самые различные формы деструктивного или дезадаптивного развития личности возникают не только вследствие конституционально-биологических характеристик, но и как следствие «отрицательных воспитательных, общественных влияний» [Мясищев, 1995]. В своей работе мы рассматриваем самоповрежда-

ющее поведение подростка во взаимосвязи с отношениями с родителями, отношением к себе и самовосприятием в контексте отношений с социальной средой.

В связи с вышесказанным целями настоящего исследования стало изучение характеристик психологической сепарации с родителями, самоотношения и субъективного переживания одиночества у подростков со склонностью и без склонности к самоповреждающему поведению.

Выборка и методики

Характеристики выборки. Выборка исследования состояла из 108 человек (29 % – юноши и 71 % – девушки) в возрасте от 15 до 18 лет ($M = 16,8$, $SD = 0,83$). Это были ученики общеобразовательных школ г. Новосибирска, набранные случайным образом с помощью оффлайн- и онлайн-тестирования. Социально-психологические характеристики выборки: 78 человек из выборки растут в полных семьях, 30 – в неполных, из них 87 человек имеют сиблингов, в то время как 21 подросток – единственные дети в семье; 95 человек отметили у себя наличие близких друзей, а 13 – их отсутствие; у 97 человек есть какие-либо увлечения или хобби, у 11 – нет.

Методы исследования: авторская анкета, направленная на изучение социально-психологических характеристик учащихся; методика «Шкала причин самоповреждающего поведения» Н. А. Польской; опросник PSI (Psychological Separation Inventory) в адаптации В. П. Дзукаевой и Т. Ю. Садовниковой; шкала субъективного ощущения одиночества Д. Рассела (UCLA, версия 3) в адаптации И. Н. Ишмухаметова; методика «Личностный дифференциал», адаптированная в НИИ им. В. М. Бехтерева.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета SPSS v.23.

Результаты исследования

На основании ответов подростков по методике «Шкала причин самоповреждающего поведения» Н. А. Польской, респонденты были поделены на две группы: 1 группа (55 человек, из них 16 юношей и 39 девушек; средний возраст $16,7+0,84$) – подростки с самоповреждающим поведением инструментального типа (порезы, уколы и т. д.), 2 группа (53 человека, из них 15 юношей и 38 девушек; средний возраст $16,9+0,81$) – подростки, отметившие у себя отсутствие самоповреждающего поведения.

Проверка полученных сырых баллов на нормальность распределения позволила выбрать для сравнительного статистического анализа групп t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Таблица 1

Результаты сравнения показателей шкал методики
PSI «Psychological Separation Inventory» в 1 и 2 группах

Table 1

The results of comparing the indicators of the scales
PSI methodology “Psychological Separation Inventory” in groups 1 and 2

Шкалы	1 группа (n = 55)	2 группа (n = 53)	t-критерий Стьюдента	Значимость (p)
	M+σ	M+σ		
Конфликтная сепарация с матерью	2,96±0,73	3,25±0,69	-2,106	0,038
Конфликтная сепарация с отцом	3,24±0,83	3,61±0,75	-2,243	0,027
Эмоциональная сепарация с матерью	3,23±0,87	3,10±0,88	0,777	0,439
Эмоциональная сепарация с отцом	3,88±0,98	3,44±0,92	2,249	0,027
Поведенческая сепарация с матерью	3,44±0,80	3,45±0,81	-0,062	0,95
Поведенческая сепарация с отцом	3,59±0,91	3,54±0,98	0,283	0,778
Функциональная сепарация с матерью	3,54±0,85	3,39±0,86	0,891	0,375
Функциональная сепарация с отцом	4,17±0,84	3,87±0,86	1,753	0,083

В результате сравнения полученных данных были выявлены достоверно значимые различия между группами по показателям шкал «Конфликтная сепарации с матерью» ($t = -2,106$, $p = 0,038$), «Конфликтная сепарация с отцом» ($t = -2,243$, $p = 0,027$), «Эмоциональная сепарация с отцом» ($t = 2,249$, $p = 0,027$) методики PSI «Psychological Separation Inventory». Показатели по первым двум названным шкалам выше в группе подростков без самоповреждений, в то время как показатели, характеризующие эмоциональную независимость в отношениях с отцом, выше в группе подростков с самоповреждениями.

Конфликтный стиль сепарации – это проявление негативных или амбивалентных чувств подростка по отношению к родителям в ситуации расхождения мнений. В конфликтной независимости подростка выражается его свобода от чрезмерного чувства вины, беспокойства, недоверия, запретов, гнева в отношении с родителями [Дзукаева, Садовникова, 2014]. Соответственно, подростки с самоповреждающим поведением в меньшей степени склонны

к отстаиванию своего мнения и удовлетворения собственных потребностей в отношениях с родителями без проявления при этом сильных переживаний и чувства вины. Это касается как отношений с отцом, так и отношений с матерью. Как было сказано выше в теоретическом анализе, удовлетворение потребностей родителей в ущерб собственным потребностям может приводить к развитию депрессии у подростка и различных форм саморазрушающего поведения [Браун, Кристенсен, 2001].

Эмоциональная независимость в отношениях с родителями определяется как свобода юноши/девушки от чрезмерной потребности в родительском одобрении, эмоциональной поддержке, близости. Выявленные различия позволяют предположить, на первый взгляд, что подростки с самоповреждающим поведением меньше нуждаются в одобрении и поддержке со стороны отца. В то же время, как показывают результаты ранее проведенных исследований, отрицание своей эмоциональной зависимости у подростков в данном случае может служить защитным явлением: отрицая свою зависимость от других, подросток утверждает низкую ценность эмоциональных отношений, трактуя дистанцированность и отчужденность как независимость [Поскребышева, Бабкина, 2020]. Это подтверждается и результатами других исследований, в которых было получено, что у подростков с отклоняющимся поведением отсутствует близость в отношениях с отцом, для этих подростков отцы являются недоступными и менее авторитетными фигурами [Реан, Коновалов, 2018]. Были проведены исследования, результаты которых доказывают, что роль привязанности и сохранение эмоциональной связи с родителями являются важными факторами в развитии автономии и снижают риск возникновения несуицидальных самоповреждающих форм поведения у подростков [Снегирева, Воликова, 2020].

Исследование самоотношения подростков с помощью методики «Личностный дифференциал» выявило более низкие показатели по факторам «Оценка» ($t = -3,16, p < 0,05$) и «Сила» ($t = -2,07, p < 0,05$) в группе с самоповреждениями.

Различия по фактору «Оценка» говорят о большей самокритичности у подростков с самоповреждающим поведением, неудовлетворенности своим поведением, ощущении своей малоценности и неприятии себя. Это соотносится с результатами исследований, в которых получено, что чем выше склонность к самоповреждениям у подростка, тем ниже самооценка как собственных когнитивных способностей (память, мышления), тела («физическое Я») так и способностей к автономности поведения и деятельности [Реан, 1998]. Такие подростки ранимы и впечатлительны, не уверены в себе и чрезмерно критичны, тревожны и склонны к депрессивности [Закондырина, 2009].

Низкие показатели по фактору «Сила» говорят о недостаточном самоконтроле у подростков с самоповреждениями, неспособности держаться принятой линии поведения, зависимости от внешних обстоятельств и оценок. Учитывая полученный характер оценок, мы можем говорить и об астенизации

Таблица 2

Результаты сравнения показателей методики «Личностный дифференциал»
в 1 и 2 группах

Table 2

The results of comparing the indicators of the methodology “Personal differential”
in groups 1 and 2

Шкалы	1 группа (n=55)	2 группа (n=53)	t-критерий Стьюдента	Значимость (p)
	M+σ	M+σ		
Оценка	7,60±6,51	11,09±4,79	-3,16	0,02
Сила	1,45±7,81	4,35±6,63	-2,07	0,04
Активность	1,67±9,07	4,71±8,21	-1,82	0,07

и тревожности у таких подростков. Это соотносится с результатами исследований, описывающих самоповреждающее поведение как реакцию на острое внутренне неблагополучие. В этом контексте самоповреждающие акты носят регулятивный характер, т. е. через самоповреждение происходит овладение собственным психологическим состоянием, восстанавливается контроль над поведением [Польская, 2014].

При изучении личностного профиля подростков с самоповреждениями другими авторами также были выявлены неадекватная самооценка, неприятие себя, высокий уровень внутренней конфликтности [Польская, 2014]. А. В. Ипатов в своих исследованиях выявил амбивалентное отношение к самому себе у подростков с самоповреждениями: самодовольство сочетается с отрицательными эмоциями в адрес собственного «Я», предвосхищение негативного к себе отношения других людей на фоне поверхностной рефлексии и самоуверенности. Также у этих подростков отмечается недостаточный интерес по отношению к себе и на фоне низкого уровня рефлексии появляется неадекватная самокритичность [Ипатов, 2017].

А. Н. Польская изучала особенности самооценки подростков с самоповреждающим поведением, углубляясь в причины инструментального самоповреждения. В ее исследованиях было получено, что инструментальное самоповреждающее поведение связано с тем личностным уровнем – уровнем самоотношения, который имеет устойчивость и константность. Пониженная оценка собственной личности, восприятие себя как людей, неспособных вызвать уважение и, самое главное, самоуважение, приводит к более радикальным самоповреждающим актам [Польская, 2014].

В данной статье также представлены результаты исследования субъективного переживания одиночества у подростков с саморазрушающим поведением в сравнении с подростками контрольной группы.

Таблица 3

Результаты сравнения показателей методики
«Шкала субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела в 1 и 2 группах

Table 3

The results of comparing the indicators of the methodology
“UCLA Loneliness Scale (version 3)” by D. Russell in groups 1 and 2

Шкала	1 группа (n = 55)	2 группа (n = 53)	t-критерий Стьюдента	Значимость (p)
	M+σ	M+σ		
Субъективное ощущение одиночества	44,10±10,67	39,79±8,64	2,30	0,02

На основании полученных данных мы видим, что показатели шкалы «Субъективное ощущение одиночества» достоверно выше в группе подростков с саморазрушающим поведением ($t = 2,30$, $p < 0,05$).

Следует отметить, что одиночество играет существенную роль в процессе индивидуализации личности подростка, являясь некоей психологической нишей ее созревания. О важном значении одиночества в развитии личности писал Л. С. Выготский [Слободчиков, 2008]. Это то базовое переживание, которое сопровождает процесс личностного развития, сопрягаясь с наиболее значительными личностными содержательными переменными (самосознанием, рефлексией, оформлением «я»), прямо определяет характер развития личности и степень личностной зрелости. Одиночество имеет важное значение в формировании «Я-концепции», являясь своеобразным психологическим стабилизатором для позитивной модели «Я-концепции» и психологическим активатором для негативной модели. В свою очередь, становление (развитие) «Я-концепции» влияет на динамику одиночества [Слободчиков, 2005].

В основе одного из объяснительных механизмов взаимосвязи одиночества и «Я-концепции» подростка лежит расширение социальной среды в подростковом возрасте, качественное ее изменение, связанное с утратой семьей ее лидирующего значения. Процесс сепарации от семьи зачастую служит отправной точкой активизации переживания одиночества подростка. Кроме того, происходящие изменения в «Я-концепции» подростка, обусловленные изменением внешнего облика, процессом половой идентификации, неизбежно отражаются на взаимоотношениях с другими людьми и связаны с переживанием одиночества. Переживание одиночества в этом случае будет иметь характер сопутствующего состояния, являясь одновременно и причиной и следствием происходящих с подростком трансформаций. Этот вариант одиночества, несмотря на всю остроту эмоциональных переживаний, близость

к кризисам эмоционально личностной сферы, тем не менее один из наиболее конструктивных [Слободчиков, 2005].

Об этом писал и И. С. Кон в своей теории переживания одиночества у подростков. Переживание одиночества в подростковом возрасте – это распространённое явление, и чем самостоятельнее и увереннее в себе личность, тем лучше она переживает ситуацию одиночества. Кроме уединения, которое воспринимается как «положительное одиночество», существует мучительное и напряжённое одиночество – тоска, субъективное состояние духовной и душевной изоляции, непонятости, чувство неудовлетворенной потребности в общении, человеческой близости. Переживание одиночества при наличии адекватной самооценки становится позитивным опытом – возможностью рефлексии и познания себя, а зависимость и неуверенность в себе, наоборот, делает ситуацию одиночества невыносимой, что способствует острому переживанию одиночества [Кон, 1989].

Соотнося полученные результаты с вышесказанным, мы можем предположить, что подростки с самоповреждающим поведением сложнее справляются с одиночеством ввиду неадекватной самооценки, недостаточно развитой рефлексии, что может привести к закреплению негативной модели «Я-концепции» и нарушению выстраивания конструктивных отношений с социумом.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили внести некоторые уточнения в описание психологических характеристик подростков с самоповреждающим поведением.

Исследование описания сепарационных процессов с родителями у таких подростков выявило некоторые трудности в сепарации с родителями. Им в большей степени свойственно испытывать сильные переживания и чувство вины в отстаивании своего мнения и удовлетворении собственных потребностей в отношениях с родителями. Демонстрация со стороны таких подростков большей эмоциональной независимости в отношениях с отцом может быть связана с дистанцированностью в их отношениях, отсутствием эмоциональной близости, а это, в свою очередь, может осложнять процесс формирования личностной автономии.

В самоотношении у подростков с самоповреждениями мы, наряду с другими исследователями, выявили ощущение своей малоценности, неприятие себя, трудности с саморегуляцией и самоконтролем, зависимость от внешних оценок. Имея такую самооценку, подростки переживают одиночество как состояние дискомфорта, связывая его со своей малоценностью для других людей, ощущением непонятости окружающими, недоверием к социуму. Напротив, позитивный опыт переживания одиночества играет существенную роль в индивидуализации личности подростка и способствует созреванию его личности.

На основе полученных результатов можно продолжить исследования в данном направлении, углубляясь в анализ внутрисемейных факторов, личностных детерминант или изучение социальных процессов, связанных с формированием саморазрушающего поведения у подростков. Также эти данные можно принять во внимание при планировании психопрофилактических и психокоррекционных программ в работе с детьми и подростками с самоповреждающим поведением.

Список литературы

Арестова О. Н., Махмудова С. Х. Субъективная презентация семейных отношений на разных уровнях осознанности (на примере подросткового возраста) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018. № 1. С. 55–69.

Банников Г. С., Федунина Н. Ю. Ведущие механизмы самоповреждающего поведения у подростков: по материалам мониторинга в образовательных организациях. / Консультативная психология и психотерапия. Т. 24. №3. 2016. С. 42–68.

Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. СПб., Питер, 2001. 352 с.

Григорьева А. А. Концепция психопрофилактики аутоагрессивного поведения подростков (экзистенциально-аналитический аспект): дисс. ... д-ра психол. наук: 19.00.04/ ФГБУ НМИЦ психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, 2020. 663 с.

Дзукаева В. П., Садовникова Т. Ю. Адаптация опросника PSI (Psychological Separation Inventory) на российской выборке / Семейная психология и семейная терапия. №1. 2014. С. 3–15.

Дольто Ф. На стороне подростка. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2018. 423 с.

Закондырина В. А. Взаимосвязь аутоагрессивного поведения и социально-психологической адаптации подростков: автореф. дисс. докт. психол. наук: 19.00.01/ Московский гуманитарный университет, 2009.

Ипатов А. В. Психологические детерминанты аутодеструктивного поведения подростков и механизмы его коррекции: дисс. докт. психол. наук: 19.00.13/ РГПУ им. А. И. Герцена, СПб., 2017.

Кон И. С. Психология ранней юности. М: Просвещение, 1989. 256 с.

Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000. 992 с.

Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК». 1995. 356 с.

Польская Н. А. Причины самоповреждения в юношеском возрасте (на основе шкалы самоотчета) // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 2. С. 140–152.

Польская Н. А. Психология самоповреждающего поведения. М.: Ленанд, 2017. 320 с.

Поскребышева Н. Н., Бабкина А. Ю. Семейные факторы развития автономии и сепарационных процессов у подростков // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-factory-razvitiya-avtonomii-i-separatsionnyh-protssosov-u-podrostkov> (дата обращения: 27.01.2023).

Реан А. А., Коновалов И. А. Дисфункциональная семья как фактор агрессивного поведения подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2020(8):292-301.

Реан А. А., Коновалов И. А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. №2. С. 60–80.

Слободчиков И. М. Переживание одиночества в рамках формирования «Я-концепции» подросткового возраста // Психологическая наука и образование. 2005. Т. 10. № 1. С. 28–32.

Слободчиков И. М. Переживание одиночества с позиций культурно-исторической психологии Л. С. Выготского // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perezhivanie-odinochestva-s-pozitsiy-kulturno-istoricheskoy-psihologii-l-s-vygotского-1> (дата обращения: 02.02.2023).

Снегирева Т. В., Воликова С. В. Нарушения привязанности у подростков с несуицидальным самоповреждающим поведением [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 66–76. DOI: 10.17759/jmfp.2020090406

Azarova E., Vyshkvyrkina M., Vorontsov D., Zinchenko E., Nemilova E. Cognitive Rigidity in Adolescence with a Tendency to Autoregressive Behavior Model. / E3S Web of Conferences. 258. 2021. С.1–9.

Emotional Dysregulation and Nonsuicidal Self-Injury: A Meta-Analytic Review [Электронный ресурс] / J. You [et al.] // Neuropsychiatry. 2018. Vol. 8. № 2. P. 733—748. <https://www.jneuropsychiatry.org/peer-review/emotional-dysregulation-and-nonsuicidal-selfinjury-a-metaanalytic-review.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).

Gratz K. L. Targeting Emotion Dysregulation in the Treatment of Self-Injury // Journal of clinical psychology: in session. Vol.63. 2007. С. 1091–1103.

Hilt L. M., Nock M. K., Lloyd-Richardson E. E., Prinstein M. J. Longitudinal study of nonsuicidal self-injury among young adolescents rates, correlates, and preliminary test of an interpersonal model. / Journal of Early Adolescence. Vol. 28. № 3. 2008. С. 455–469.

Nock M. K. Actions speak louder than words: An elaborated theoretical model of the social functions of self-injury and other harmful behaviors / Applied and Preventive Psychology. Vol. 12. 2008. С.159–168.

References

- Arestova, O. N., Mahmudova, S. H.** (2018). *Subjektivnaja prezentacija semejnyh otnoshenij na raznyh urovnjah osoznannosti (na primere podrostkovoogo vozrasta)* [Subjective presentation of family relations at different levels of awareness (on the example of adolescence)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija*. 14(1), 55–69, (in Russ.)
- Azarova, E., Vyshkvyrkina, M., Vorontsov, D., Zinchenko, E., Nemilova, E.** (2021). Cognitive Rigidity in Adolescence with a Tendency to Autoregressive Behavior Model. *E3S Web of Conferences*, 1–9
- Bannikov, G. S., Fedunina, N. Ju.** (2016). Vedushhie mehanizmy samopovrezhdajushhego povedenija u podrostkov: po materialam monitoringa v obrazovatel'nyh organizacijah [Leading Mechanisms of Self-Injurious Behavior in Adolescents: Based on Monitoring Materials in Educational Organizations]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*, 24(3), 42–68, (in Russ.)
- Brown, J., Christensen, D.** (2001). *Teorija i praktika semejnoj psihoterapii* [Theory and practice of family psychotherapy]. St. Petersburg, Peter. (in Russ.)
- Dol'to, F.** *Na storone podrostka* (2018). [On the teenager's side]. Ekaterinburg: Rama Publishing (in Russ.)
- Dzukaeva, V. P., Sadovnikova, T. Ju.** (2014). Adaptacija oprosnika PSI (Psychological Separation Inventory) na rossijskoj vyborke [Adaptation of the PSI (Psychological Separation Inventory) questionnaire on the Russian sample]. *Semejnaja psihologija i semejnaja terapija*. 1, 3–15 (in Russ.)
- Gratz, K. L.** (2007). Targeting Emotion Dysregulation in the Treatment of Self-Injury. *Journal of clinical psychology: in session*, 63, 1091–1103
- Grigor'eva, A. A.** (2020). *Koncepcija psihoproflaktiki autoagressivnogo povedenija podrostkov (jekezistencial'no-analiticheskij aspekt)* [The concept of psychoprophylaxis of auto-aggressive behavior of adolescents (existential-analytical aspect)]: Diss.d-ra psihol.nauk, 19.00.04, FGBU NMIC psihiatrii i narkologii im.V.P.Serbskogo, (in Russ.)
- Hilt, L. M., Nock, M. K., Lloyd-Richardson, E. E., Prinstein, M. J.** (2008). Longitudinal study of nonsuicidal self-injury among young adolescents rates, correlates, and preliminary test of an interpersonal model. *Journal of Early Adolescence*. 28(3), 455–469
- Ipatov, A. V.** (2017). Psihologicheskie determinanty autodestruktivnogo povedenija podrostkov i mehanizmy ego korekcii [Psychological determinants of self-destructive behavior of adolescents and mechanisms for its correction].: *dis. dokt. psihol. nauk.: 19.00.13.*RGPU im.A.I.Gercena, Sankt-Peterburg (in Russ.)
- Kon, I. S.** (1989). *Psihologija rannej junosti* [Psychology of early youth]. Moscow: Prosveshhenie (in Russ.)
- Krajg, G.** (2000). *Psihologija razvittija* [Psychological development]. St. Petersburg, Peter (in Russ.)
- Mjasishhev, V. N.** (1995). *Psihologija otnoshenij* [Psychological attitude]. M.: Izdatel'stvo «Institut prakticheskoy psihologii», Voronezh: NPO «MODJeK» (in Russ.)

Nock, M. K. (2008). Actions speak louder than words: An elaborated theoretical model of the social functions of self-injury and other harmful behaviors. *Applied and Preventive Psychology*, 12, 159–168

Pol'skaja, N. A. (2017). *Psihologija samopovrezhdajushhego povedenija* [Psychology of self-injurious behavior]. Moskva: Lenand (in Russ.)

Pol'skaja, N. A. (2014). Prichiny samopovrezhdenija v junosheskom vozraste (na osnove shkaly samootcheta) [Causes of self-harm in adolescence (based on the self-report scale)]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*, 22(2), 140–152 (in Russ.)

Poskrebysheva, N. N., Babkina, A. Ju. (2020). Semejnye faktory razvitiya avtonomii i separacionnyh processov u podrostkov [Family factors in the development of autonomy and separation processes in adolescents]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semejnye-faktory-razvitiya-avtonomii-i-separatsionnyh-protsessov-u-podrostkov> (date of the application: 27.01.2023) (in Russ.)

Rean, A. A., Konovalov, I. A. (2018). Social'no-perceptivnyj obraz razlichnyh social'nyh grupp v soznanii podrostkov [Socio-perceptual image of various social groups in the minds of adolescents]. *Social'naja psihologija i obshhestvo*. 9(2), 60–80 (in Russ.)

Rean, A. A., Konovalov, I. A. (2020). Disfunkcional'naja sem'ja kak faktor agressivnogo povedenija podrostkov [Dysfunctional family as a factor in adolescent aggressive behavior]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. (8), 292–301 (in Russ.)

Slobodchikov, I. M. (2005). Perezhivanie odinochestva v ramkah formirovaniya «Ja-koncepcii» podrostkovogo vozrasta [The experience of loneliness in the framework of the formation of the “I-concept” of adolescence]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie*. 10(1), 28–32 (in Russ.)

Slobodchikov, I. M. (2008). Perezhivanie odinochestva s pozicij kul'turno-istoricheskoy psihologii L. S. Vygotskogo [The experience of loneliness from the standpoint of the cultural-historical psychology of L. S. Vygotsky]. *Vestnik RGGU. Serija «Psihologija. Pedagogika. Obrazovanie»*. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perezhivanie-odinochestva-s-pozitsiy-kulturno-istoricheskoy-psihologii-l-s-vygotskogo-1> (date of the application: 02.02.2023) (in Russ.)

Snegireva, T. V., Volikova, S.V. (2020). Narushenija privjazannosti u podrostkov s nesuicidal'nym samopovrezhdajushhim povedeniem [Elektronnyj resurs] [Attachment disorders in adolescents with non-suicidal self-injurious behavior [Electronic resource]]. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*. 9(4), 66–76. DOI: 10.17759/jmfp.2020090406 (in Russ.)

You, J. [et al.] (2018). *Emotional Dysregulation and Nonsuicidal Self-Injury: A Meta-Analytic Review* *Neuropsychiatry*, 8(2), 733–748. <https://www.jneuropsychiatry.org/peer-review/emotional-dysregulation-and-nonsuicidal-selfinjury-a-metaanalytic-review.pdf> (date of the application: 09.12.2020).

Zakondyrina, V. A. (2009). Vzaimosvjaz' autoagressivnogo povedenija i social'no-psihologicheskoj adaptacii podroستkov [The relationship of auto-aggressive behavior and socio-psychological adaptation of adolescents]. Avtoref. dis. dokt. psihol. nauk.: 19.00.01. *Moskovskij gumanitarnyj universitet* (in Russ.)

Информация об авторах

Жданова Анастасия Константиновна, студентка Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета

Киселёва Оксана Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета

Information about the Authors

Anastasia K. Zhdanova, student of the V. Zelman Institute for Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Oksana V. Kiseleva, PhD, Associate Professor of the Section of Personality Psychology of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редколлегию 04.02.2023

The article was submitted 04.02.2023